

Александр Козлов

*Именем
ангела*

Александр Козлов

Именем ангела

«Издательские решения»

Козлов А.

Именем ангела / А. Козлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518535-8

Всю жизнь Ангелина молча сносила унижения тех, кто считал ее некрасивой, упрекал в «никому ненужности». Страх потерять ребенка разжег в ней пламя, готовое опалить каждого, кто попытался посягнуть на непреложное право матери. В книгу также вошли произведения малой художественной прозы, написанные в разные годы. Среди них рассказы «За кулисами Кремлевского дворца» о любви великой княгини Елены Глинской и «Сизая дьяволица» про мстительную волчицу, новелла «Любовь Орлова умела хранить секреты».

ISBN 978-5-00-518535-8

© Козлов А.

© Издательские решения

Содержание

Именем ангела	6
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	11
Глава IV	13
Глава V	15
Глава VI	18
Глава VII	20
Глава VIII	22
Глава IX	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Именем ангела

Александр Козлов

Редактор Наталья Ким

Дизайнер обложки Алёна Ладина

Иллюстратор Наталья Клюковская

© Александр Козлов, 2020

© Алёна Ладина, дизайн обложки, 2020

© Наталья Клюковская, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-8535-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Именем ангела

*Было бы намного проще,
если бы люди внешне выглядели так же,
как выглядит их душа.*

Иммануил Кант

Вступление

Зима выдалась суровая – морозная, снежная. Старый саманный дом покосился под тяжестью обледенелого снега; местами на стенах осыпалась штукатурка.

Поздно вечером завывала вьюга; дом содрогнулся, будто в предсмертной агонии, и рухнул в восточной части – там, где размещалась кухонька. Хозяин дома закричал жене, чтобы не мешкая бежала с дочкой на улицу, и вдруг затих – потолок рухнул, погребя несчастного под обломками. Снова раздался оглушительный треск, и разломы сверху, будто гигантские черви, зигзагами устремились в соседнюю комнату – туда, где испуганно закричала трехлетняя малышка. Женщина бросилась было к дочери: «Ангелок!», но трещины опередили – потолок шумно разверзся и угрожающе повис над девочкой гигантскими зубринами. Бежать, спастись не оставалось времени – мать накрыла собой перепуганного ребенка, следом посыпались глыбы. Женщина закричала, услышала даже как хрустнул позвоночник, и тут же умолкла, обмякла. Стекленеющие глаза и неподвижность матери напугали малышку – та зарыдала, зажмурилась...

Потом все стихло...

Прошло двадцать лет...

Глава I

Звали ее божественно – Ангелина, но природа поскупилась и не одарила бедняжку красивой внешностью. «Точно наскоро слепили», – часто слышала, как втихую посмеивались над ней воспитательницы в приюте.

С раннего возраста девочка стеснялась своей непривлекательности: не любила смотреть в зеркало, всех сторонилась и надолго замыкалась в себе, когда слышала в свой адрес недобрую реплику или ловила ухмылку в ответ на робкое стремление хорошо выглядеть. Со временем привыкла к мысли, что одиночество стало непреложным уделом, и постепенно смирилась с опустошающим сердце чувством «никому ненужности».

Шли годы, сверстницы выросли, расцветали, находили себе спутников жизни, а неприглядную девушку с именем ангела никто как будто и не замечал: счастье упрямо обходило ее стороной – стрелы купидонов пролетали мимо. Девушка выросла, не зная счастья, не ведая внимания. Даже спустя много лет мужикам, например, и в голову не могло прийти, чтобы в этой серенькой и безобидной, с детским личиком и неизменно грустными глазами *женщинке* увидеть Женщину – с сильными чувствами, стремлением обрести любовь и быть кому-то безраздельно нужной.

Один, правда, вскорости нашелся – бобыль, красивый, но беспутный: в поселке славился амурными похождениями. И то затем только, чтобы не коротать жизнь в одиночку, поскольку время жениться давно уже поспело, да и от языков людских схорониться – семьей обзавестись.

– Ой, не ходи за него – пожалеешь, – предупредила девушку одна пенсионерка, которой Ангелина носила почту. – Хоть и вымахал в два метра красоты, только мозгов у Мишки нету, обо всем мать кумекает, а у него все помыслы промеж ног. С кем он здесь только ни тягался, к какой только девке не старался пригреться, да так никому в мужья и не спонадобился. Да и с норовом ему тоже не шибко повезло. Потому, говорю, послушай – не ходи за него!

Привередничать, понятно, Ангелине не приходилось, потому и с замужеством за Михаила дело не застопорилось. Все устроилось одним махом: пару раз для приличия повстречались, подали заявление в загс и во дворе у Михаила в три стола сыграли невеселую свадьбу. Потом по правилам случилась первая брачная ночь; от нее у Ангелины осталось омерзительное, вязкое, как грязь, воспоминание: озверелость пьяного мужа и следом – жуткий храп.

Свекровь Варвара Прокопьевна, прославленная в райцентре бузотерка и сплетница, узрела в девушке некую отдушину – нишу, в которую и сбагрила непутевого сына, хотя и безумно любимого (ею одной). Сварливая старуха сразу показала норов: даже не тщилась понравиться снохе, напротив, считала, что удостоила ту высшей благодати – выдала замуж за сына-оболтуса, и в первый же день после свадьбы отчитала за неправильно сложенную в сушку мытую посуду.

Дальше – хуже. Придиралась по пустякам, бранилась нецензурно наедине с Ангелиной. Зато в присутствии Михаила завсегда изливалась с такой нравоучительной помпой, будто с рождения воспитывалась в атмосфере педагогичности и аристократичности. Старый свекр, высохший на дворовом хозяйстве, все слышал и видел, но никогда не вмешивался: жизнь со вздорной супружницей научила старика осторожности – держаться подальше от распрей, в коих та непременно пребывала зачинщицей и завсегда выходила победительницей. Словом, никому в этом доме от старой склочницы не было ни житья, ни покоя, и призрачное счастье Ангелины с первых дней семейной жизни растворилось в безрадостных буднях.

А еще безумно раздражало старую Варвару Прокопьевну то, что жить приходилось в одном дворе – в волости, где каждый сантиметр, по гордому заявлению свекрови, принадлежал ей одной. Молодые поселились в доме, чтобы, по словам свекрови, «соседи языками не трепали», а старики перешли во флигелек – добротный, двухкомнатный, с печным отоп-

лением. Но все равно чувствовала себя на правах приживалки – вроде бы и хозяйка в доме, а ютится, как несушка, в сарае. Казалось, ничто не способно было умиловить старуху – ни покорность и трудолюбие молодой снохи, ни появление на свет внука.

Рождение Антошки свекровь расценивала не иначе, как личное достижение, но при этом не стремилась обнаруживать к нему внимания, подобающего бабушке, а оставалась целиком поглощенной материнской любовью. Благо малыш ничего не понимал, хотя Ангелине до слез случалось обидно, что свекровь так и не смогла найти в своем сердце местечка для любви к единственному внуку.

Варвара Прокопьевна, очевидно, наслаждалась безраздельной властью и с лихвой пользовалась безволием молодой женщины. Ангелина не прекословила, обиды терпела безропотно, никому ни о чем никогда не жаловалась, внутренне изнывая от одиночества, обиды и безысходности. Часто плакала ночами напролет, беспричинно битая языком свекрови и кулаками пьяного мужа. Наутро, безмолвная и смиренная, шла кормить домашний скот и птицу, потом бежала на работу, вечером спешила за Антошкой в садик и оттуда напрямик домой – снова управляться по домашнему хозяйству.

Михаил часто выпивал, особенно накануне выходных, возвращался домой поздно (развратничал при этом не стыдась), на выходные норовил убраться из дому, попьанствовать (так и говорил) с друзьями и философии придерживался немудреной: женился, ребенка начудил, теперь вправе гулять, наслаждаться жизнью.

Ангелина не спорила, старалась не привлекать к себе внимания и жить ощущением одного дня. Не оттого вовсе, что боялась крушения брака, побоев мужа или жгучего языка свекрови – как ни страшно, но к ним привыкла. А потому что весь смысл жизни сосредоточился на малолетнем Антошке – в нем материализовалась заветная мечта быть кому-то нужной, любить всецело, беззаветно и получать в награду такую же бескорыстную любовь, чистую, как хрусталь, несокрушимую, как гранит.

– Ой-ей-ей, – не упускала случая поддеть сноху Варвара Прокопьевна, – Золушку из себя изображает, страдальцей прикидывается. А сама, небось, только и думает, когда мы с дедом богу душу отдадим, чтобы к рукам все прибрать. Так вот, запомни, окаянная, раз и навсегда: такого счастья тебе ни за что не дождаться – и с того света покою не дам!..

Глава II

Люди звали Ангелину кто Линочка, кто Линка, и никто никогда не обращался к ней по имени, прописанному в метрике, – такой уж невзрачной, убогой, не заслуживающей почтения казалась она людям. Одноклассница Надежда, этакая краля-вертихвостка, успевшая дважды сбегать замуж, развестись и побывать в объятиях у половины мужского населения поселка старше двадцати лет, не единожды при случае подначивала молодую женщину:

– Жаль тебя, Линка, такая девчонка умница была, а какие гербарии из цветов собирала – загляденье просто! И вот, в кого превратилась, во что вляпалась-то не глядя – теперь ни жизни, ни просвета.

Ангелина только тяжело вздыхала: с цветами теперь бы-ло покончено навсегда!

...Однажды, вспомнила, собрала букет полевых цветов, сидела на кухне, перебирала. Узрела ее за этим занятием свекровь, да так взбеленилась, что жизнь доселе показалась девушке раем. Старуха вырвала букет, дважды проехала цветами по снохе и с криком: «Мусора во дворе столько – ступить некуда, а эта бездельница лепестки считать примостилась!» выбросила цветы в окно.

– Тише, – прошептала подруге, – услышит такое Варвара, никому не поздоровится...

– Да плевать бы я хотела на твою Варвару! Все соки из тебя выжала – бессердечная баба, злей и опасней бешеной псины, – красавица взглянула на Антошку: – Какой он у тебя не по годам маленький, будто мальчик-с-пальчик, совсем не в отцовскую породу вышел (Ангелина напряглась при этих словах), но премиленький такой все равно...

Надежда выучилась в городе на секретаря-референта. Работать не любила и делала это из рук вон плохо, но место себе отыскала живо. Устроилась секретаршей в казенную конторку, где в первый же день трудоустройства вступила в доверительные отношения с сыном управляющего заведения. Яркая, красивая, она без труда завоевывала внимание мужчины, а если он вдобавок случался еще и симпатичным, то не мешкая бросалась к нему в объятия.

Ангелина тайком завидовала ей, но гложущей сердце и душу ненависти не испытывала: давно смирилась с участью серой мышки. Надежда часто проходила мимо (квартировала неподалеку в многоэтажке, в «трешке», доставшейся после второго брака), но редкий раз доводилось встретить бывшую одноклассницу. А сегодня, возвращаясь из магазина с пакетом в руках, увидела Ангелину, сидящую у калитки на скамеечке. Рядом в песочнице играл Антошка.

Красавица при встрече с молодой женщиной весело ахнула, будто взаправду обрадовалась (хотя закадычными подругами отродясь друг другу не приходились). Болтали о пустяках, Надежда лениво рассказывала о достижениях в работе, по своему обыкновению учила Ангелину, как-де жить правильно нужно:

– Люби себя и никому не давай спуску, а то загрызут и не подавятся, – скovyрнула палочкой былинку из-под наманикюренного ноготка («Такая же грязная душой», – подумала Ангелина). – Даже представить себе не могу, как ты умудряешься так жить: свекровь поедом ест, муж что ни день, то навеселе – сколько раз сама видела! А что, – произнесла красавица с ухмылкой, – кобелек-то он уродился крепенький, – но вмиг спохватилась, что сболтнула лишнее, добавила поспешно: – Бабы судачат, – только припозднилась – Ангелина пробуравила ее подозрительным взглядом, переспросила дрогнувшим голосом:

– Бабы, говоришь, судачат...

Надежда побледнела, будто разоблаченная в преступлении перед всей женской половиной человечества; губы ее, выкрашенные помадой морковного цвета, предательски дрогнули, а глаза с длинными пушистыми ресницами растерянно округлились.

– Ай, зануда ты стала, Линка! – рассмеялась громко, но совсем не весело.

Бог знает, чем закончилась бы эта встреча бывших одноклассниц, если бы внимание обеих не привлек Михаил, который появился на улице в стельку пьяный, что-то угрюмо бормоча себе под нос.

– Уходи, – глухим голосом проговорила Ангелина, не смотря Надежде в глаза. – Дружить-то с тобой мы никогда особо не дружили, и сейчас начинать вроде уже как не ко времени.

– Ну, знаешь ли! – обидчиво хмыкнула та. – Сиди тут, значит, и наматывай сопли на кулак! – поднялась со скамейки и, выразительно виляя бедрами, медленно зашагала прочь. Только не в сторону многоэтажки, а навстречу Михаилу. Поравнявшись с женщиной, она что-то шепнула ему на ушко, посмеялась беззвучно, взглянув на Ангелину, и отправилась восвояси. Ее план мести мышке-почтальонше удался: Михаил, не видя издали жены, послушно поплелся за кокеткой.

Вскоре оба исчезли из виду.

Слезы навернулись на глаза, червь досады и отчаяния заточил сердце Ангелины. Она с грустью посмотрела на Антошку, поглощенного своими делами, и оттого ничего не замечающего вокруг, произнесла упавшим голосом:

– Родненький, пошли в дом, пора ужинать. Папа задерживается на работе...

Глава III

Вечер прошел в хлопотах по хозяйству, близилась ночь, а Михаил все не возвращался. Варвара Прокопьевна, обрушив на сноху очередную порцию оскорблений и упреков, с чувством исполненного долга ушла к себе – почитать.

Эта ночь показалась Ангелине бесконечной. Она и прежде ждала, когда муж вернется домой, и укладывалась спать только после того, как стены начинал сотрясать дикий храп. В чем одет валялся на постель, а она раздевала эту двухметровую красоту, развалившуюся на брачном ложе. Догадываясь, откуда возвращался, глотая обиду, заставляла себя не замечать мужниных выкрутасов – все равно, мол, ничего не исправить, только беды накликают – побьет так, что наутро стыдно на людях будет показаться, почту разносить. Незнание правды или, скорее, нежелание знать, с кем якшается благоверный, помогало совладать с эмоциями. Даже на доносы сердобольных получательниц почты реагировала равнодушно – пока сама, дескать, не увидит, другим не поверит.

Вот – увидела. Надежда на глазах умыкнула чужого мужика. Может, решила попусту поиздеваться, и пути их потом разошлись, а Михаил догуливал вечер в компании друзей-собутельников. Знать этого наверняка Ангелина не могла, но из-за усиливающейся тревоги думалось отнюдь не в пользу распутной одноклассницы. На душе сделалось так досадно и мучительно, что захотелось разрыдаться. Первый раз попыталась постоять за себя, указать на место зазнавшейся прелюбодейке, но все впустую – судьба по-прежнему оставалась к ней немилостивой.

Антошка мирно посапывал на кровати в отдельной комнате. Она часто уходила сюда спать, только здесь, битая пьяным мужем, обретала утешение, успокаиваясь под ровное дыхание спящего сына. В доме электричество горело только в прихожей. Скрипнула калитка, и Ангелина выбежала на кухню, откуда из окна было видно, кто вошел во двор. Михаил нетвердым шагом направился к дому. Молодая женщина прикоснулась ладошками ко вспыхнувшему щекам: все время становилось страшно, когда видела мужа в таком состоянии! Хорониться бессмысленно, только взбеленится – начнет кричать, метаться, как угорелый, по дому, разбудит и напугает сына. Поэтому лучше набраться храбрости и броситься на бордаж – выйти навстречу как ни в чем не бывало. Он вошел в дом шумно, по-хозяйски, на ходу разулся и, не глядя на встречающую жену, прошествовал в спальню. Там, не раздеваясь, рухнул на кровать.

– Ужинать будешь? – тихо спросила Ангелина, остановившись на полпути в кухню.

– Сама хлебай свои помои! – рыкнул из спальни и – раз, два, три! – взорвался храпом.

В этот раз обошлось. Ангелина облегченно вздохнула, опустилась на стул – посидеть, подождать, когда муж заснет крепче, потом раздеть его и отправиться на боковую в комнату сына. На стенных часах стрелки по-солдатски выровнялись на цифре пять – вот-вот тукнет полшестого, и начало нового дня не заставит себя ждать.

Михаил дрых на спине, раскинув руки и ноги. Ангелина приблизилась бесшумно, как кошка, включила ночник, посмотрела на мужа. Он будто почувал приближение, перестал храпеть. Его лицо, красивое, с правильными мужественными чертами, слегка распухло, щеки впали, на лбу выступила испарина. Нет, подумала, не проснется – много раз пробовала! Поэтому смело приступила к делу – принялась расстегивать рубашку на муже. Потом вдруг замерла, глядя ему на шею. Осторожно, едва касаясь пальцами его скулы, повернула голову в сторону – внимательно рассмотреть то, что украшало левую ключицу. Следы от губной помады морковного цвета.

«Надька!» – тревожно всколыхнулось внутри. Отом-стила-таки! Даже помадой наследила в доказательство, что-бы уже наверняка ни в чем не оставалось сомнений.

Мерзавка!

Ангелина закусила губы, пожелтела от злости, рванула вон из спальни. На полпути одумалась: не избежать скандала, если наутро муж проснется и обнаружит, что не раздет. Вернулась к кровати, порывистыми движениями сняла со спящего рубашку, даже не страшась, что растормошит, разбудит. Потом расстегнула молнию, стащила брюки с бедер и снова оторопела. Еще один сюрприз, более шокирующий: под брюками ничего не оказалось! Негодяй, не удосужился после гулянки даже в трусы влезть! Такого она выдержать не смогла, зарыдала в голос – от унижения, вышла из спальни, плотно закрыв дверь, чтобы Антошка спозаранок не заглянул в спальню и не увидел сего безобразия...

Утром Михаил удивил Ангелину. Позавтракал молча, стараясь не встречаться глазами с женой, и ушел на работу, ничего не сказав – ни в упрек ей, ни в обеление себя. Такое происходило впервые. Михаил казался задумчивым, поглощенным мыслями, как случается с влюбленными, не желающими отвлекаться на посторонние вопросы, кроме вожаемых. Варвара Прокопьевна сразу заметила неладное. Посему тут же насторожилась, когда узрела, что вместо традиционных смачных ругательств вкупе со звонкой оплеухой он виновато прячет от жены глаза. Старая склочница с ненавидящим прищуром наблюдала, как сноха сосредоточенно собирает внука в садик, но выяснять ничего не стала – вечером сама разузнает у сына. Сегодня у Михаила ожидалась зарплата, и в этот день он возвращался с работы вовремя, нигде не задерживался – спешил отдать получку матери, а потом – на гулянку. Так было заведено: диктаторша устанавливала жесткие правила, и никто не осмеливался их нарушать. Ангелина с Антошкой ушли, а Варвара Прокопьевна продолжала стоять в дверях флигелька, думала о сыне, вспоминая его непонятное поведение. Вдруг резко обернулась к старому супругу, жующему мякиш за столиком, и властно изрекла:

– А ты чего расселся, как в гостях? Дома дел невпроворот, а он – погляди на него! – брюхо себе набивает! А ну-ка вставай, лоботряс, сеном займись, живо! Токмо, гляди у меня, вилы на место верни потом, а не кидай, где ни попадя. Не приведи Господь оступиться на них, пиши пропало, окаанный, заживо погребу, где найду...

Глава IV

Ангелина отвела сына в детский садик. Еще с утра заметила, что Антошка вялый, мало-словный. Не раз интересовалась, здоров ли, не болит ли чего – горло, живот. Малыш качал головой, но в садик отправился без энтузиазма.

Воспитательница, принимающая детей, остановила Ангелину, проговорила полусшепотом:

– На днях Антоша нечаянно проговорился, что видел, как папа бьет вас. Это правда? – не дождавшись ответа, подчеркнула с педагогичной чопорностью: – Скажу вам, нас беспокоит психологическая атмосфера, в которой воспитывается мальчик...

– Меня тоже, – резко ответила мать. – Простите, но по-ра уже бежать.

На работу успела вовремя – маршрутка была набита битком и везла пассажиров, не останавливаясь, до самого центра. В отделе сортировки никто не обратил внимания на Ангелину (ее вообще замечали редкий раз, и то исключительно по архиважным вопросам, когда требовалось обращаться лично). Загрузилась, как обычно, тяжелой поклажей из газет, журналов, бандеролей, писем и квитанций, вышла с Главпочтамта, на мгновение остановилась возле урны с мусором, чтобы выбросить в нее бечевки, срезанные с упаковок. Спиной ощутила на себе посторонний взгляд.

– Трудиться спешу, – проговорила Надежда сладким голосом сирены, – дай, думаю, по дороге на почту загляну. Может, тебя увижу да посылочку передам, – протянула маленький сверток. – На вот, забери – мне чужого добра не нужно, а мужского – и давно, – добавила с переспелой иронией, что едва не поперхнулась от самодовольства.

– Злая ты, – Ангелина смерила ее презрительным взглядом, – потому что одинокая, – повернулась спиной и зашагала вперед.

– Злая? – опешила насмешница, выбросила сверток в мусорную урну, догнала обидчицу. – Одинокая? А ты-то! ты сама-то нужна кому?

– Да! – обернулась молодая женщина с такой решимостью, что Надежда отшатнулась. – Да, я нужна! Нужна сыну – ему одному, и мне этого достаточно! Дороже него у меня никого в жизни нет, только ради него живу, дышу. И я не никому позволю, слышишь? никому! портить ему кровь, как всю жизнь это делали мне такие, как ты, такие, как мой муж и его мать. Сама я все стерплю – любые оскорбления, унижения, побои. А за него, моего сына, всякого готова убить. Сама паду, а его защищу! Пусть кто попробует только худо отозваться о нем, оскорбить или, не дай бог, обидеть – рукой приложиться, тому точно не поздоровится, умру, но в обиду не дам никому! Это мой сын, и я нужна ему, единственному человеку на этом свете, а больше ничьей любви мне не надо!

Глаза и щеки Ангелины горели, руки дрожали; говорила она тихо, но страстно и отчетливо, и каждое слово, как клинок, вонзалось в сердце ошеломленной Надежды.

– Господи, Линка, никогда не знала тебя такой. Да ну постой же, задержись на минутку! – Надежда попыталась схватить Ангелину за руку, но та посмотрела на нее таким тяжелым взглядом, что красавица растерянно отступила. – Ничего не было, – прошептала так тихо, будто опасалась, что кто-то услышит ненароком. – С Мишкой ничего не было. Клянусь! Чуток хотела досадить. Зазвала к себе, намекнула раздеться, нарочно поцеловала его в шею, чтобы помадой наследить, а когда остался в чем мать родила, сказалась больной и велела убираться (он был такой пьяный, что все принял за чистую монету); бросила ему вещи, а трусы под кровать ногой швырнула. Так все и было. Да, мужик он красивый, но, клянусь, не в моем вкусе – ласковых и заботливых люблю, услужливых и щедрых. К тому же ненавижу тех ничтожеств, кто на бабах кулаки чешет, сама бы такому котелок раскроила чем ни попадя...

...за столиком уютной кафешки, куда Надежда уговорила Ангелину зайти в знак примирения, красавица вдохновенно продолжала:

– А ты молодец, Линка, я даже не ожидала от тебя такой смелости. Ты права: я такая одинокая, что временами волосы на себе рвать хочется. У тебя есть сын, ты любишь его, он любит тебя. А это такое счастье, настоящее, материальное, не придуманное! – глаза ее увлажнились, но брызнуть слезой не решилась из-за дорогой туши, хотя и водостойкой. – Впервые я забеременела в пятнадцать, еще в технаре. Пока живот не вырос, сделала аборт у одной повитухи, потому что в больнице отказались. Думала, все – гуд бай, материнство! Нет, бог смилостивился: в первом браке снова забеременела, только не от мужа, а от любовника. Опять абортировалась, потому что за два года не понесла от мужа – пустоцветом оказался. Развелись через год. Нашла другого – не красивого, но состоятельного. Жила с ним честно, порядочно, ни с кем на стороне не шалила. Правда, родить больше так и не смогла – видать, свое отходила, по глупости утратила священный женский дар. Со вторым тоже разошлась: выяснилось, у него родилась дочь от какой-то там, гм! девицы. Разошлись по-доброму, цивилизованно – без скандала. Он оставил мне все – квартиру, гараж (машину, правда, забрал), дачный участок, который мне и в помине не нужен. Вот так я и осталась коротать деньки незамужние, бессемейные, бессмысленные. Мужья бывшие до сих пор деньгами помогают, отзываются на просьбы. Но... Права ты: никому я не нужна для серьезных отношений, заботиться мне не о ком, кроме как о самой себе. Надоело все так, что аж выть хочется. Порой просыпаешься, и жизнь не в радость: снова это тело, глаза, волосы, руки с маникюром – все опротивело до жути. А куда деваться, от себя ведь не убежишь! – Надежда не вытерпела, расплакалась; Ангелина участливо прикоснулась к ее руке, погладила пальцы:

– Не надо, все утрясется...

– Нет, такое уже никогда не утрясется, сама знаешь, – всхлипнула та. – Боже мой, а как больно, горько теперь сознавать, что никогда не быть матерью, не носить под сердцем кроху, не горланить в роддоме, не стирать пеленки, не водить карапуза в садик, а потом не встречать со школы, не радоваться его первым успехам...

Вдруг умолкла, подавляя волнение, пригубила кофе с коньяком; потом внимательно взглянула на собеседницу, спросила полупшепотом:

– Ты правда за сына убить готова?

– Даже глазом бы не моргнула...

Глава V

Вдохновленная миром с Надеждой и обретением в ее лице новой подруги, Ангелина уже к полудню полностью управилась с почтовыми делами, но домой не спешила, чтобы подольше не встречаться со свекровью.

Настроение испортил телефонный звонок воспитательницы из детского сада. У Антошки неожиданно поднялась температура, медсестра дала таблетку, чтобы сбить жар, но ребенка, посоветовала она, «желательно срочно забрать домой», а при необходимости – вызвать «скорую помощь» и показать врачу. Ангелина вмиг обмякла, чувствуя собственную вину за болезнь сына: вчера, поливая огород, позволила ему помочить ножки под холодной струей. Кто знал, что все вот так обернется, ведь стояла страшная духота!

Отпросившись у заведующей отделением, молодая женщина, сдерживая слезы, побежала на автобусную остановку. По дороге увидела такси. Предложила водителю деньги, какие только имелись в кошельке. Шофер взял все деньги, но возле детсада вернул:

– Иди, сыну лекарства купишь!..

Дома Ангелина напоила сына теплым чаем с малиновым вареньем, дала выпить еще одну таблетку парацетамола. Через час температура спала, и Антошка, бледный, мокрый от пота, заснул у нее на руках. Бережно отнесла малыша в комнату; там уложила в постель, укрыла легким одеялом, а сама опустилась на кровать рядом и неотрывно смотрела на сына, не убирая ладони с его лба.

Такой вот неподвижной, с безучастным взглядом застала сноху Варвара Прокопьевна. Свекровь вломилась в дом шум-но, по-хозяйски напористо, сосредоточенная и злая (по дороге наткнулась на вилы, оставленные стариком во дворе, что послужило ей расчудесным поводом не на шутку взбелениться). В руках держала немытую кастрюлю. На секунду приостановилась на пороге в кухню, удивленная отсутствием здесь снохи, круто развернулась, чтобы броситься на поиски бездельницы (не допусти, господи, застать спящей или отдыхающей!), но отшатнулась, чуть не столкнувшись лбом с молодой женщиной.

– Где тебя черти носят! – заорала перепуганная Варвара Прокопьевна. – Время уже сколько! Куры еще не кормлены, поросята пить хотят, а эта прохлаждается тут, будто барыня разгуливает!

– Тише, пожалуйста, – прошептала Ангелина, покраснев так, словно ее взаправду уличили в безделье.

– Ш-што? – едва не поперхнулась старуха. – Ах ты квоч-ка! Ты что, в моем собственном доме указывать будешь, как мне разговаривать?

– Антошку с садика забрала пораньше, температура у него, еле-еле сбила, только заснул...

– Да что мне до твоего выродка, окаянная! Жив будет – не помрет, а у меня куры не кормлены!..

– Не смейте! – вдруг угрожающе прошипела Ангелина; щеки ее, минуту ранее зардевшиеся, побелели от злости, в глазах всколыхнуло пламенем. – Никогда больше не называйте моего сына такими словами – он лучшее, что есть у меня. Это не мой сын выродок...

– Ш-што? – еще сильнее расвирипела свекровь, захлебываясь от ярости. – Ты на кого это намекаешь, на Мишенку моего, что ли? Чего ты тут натворила с ним такое, отчего утром глаз на тебя поднять не смел, и будто телок из дому поплелся? Никак бабьими штучками научилась пользоваться! Но я тебе не Мишенка, запомни! Я мозги тебе на место враз вправлю! – она замахнулась на сыновью жену кастрюлей, но, встретившись с ее искрящимся взглядом, шагнула назад, оступилась о дверной порог и с грохотом рухнула на пол, извергнув нечеловеческий рык.

Сгоряча тут же поднялась, пронзая ненавидящим взглядом сноху (та не сдвинулась с места, чтобы помочь ей подняться). – Ты посмотри, как осмелела, ехидна. Забыла, видать, из какого навоза вытащила, у себя приютила, за сына единственного замуж отдала, забыла, да? Туда же и выкину, откуда вытащила по доброте своей! – с этими словами старуха схватила ее за волосы и с силой вытолкнула на крыльцо.

Ангелина, маленькая и беспомощная, скатилась, будто тряпичная кукла, со ступенек во двор, ушиблась головой о землю; на секунду потеряла сознание, затем отомкнула отяжелевшие веки и в потоке слепящего солнечного света увидела над собой силуэт мужчины. Михаил вернулся с работы, чтобы отдать зарплату матери, и застал обеих женин за выяснением отношений. При появлении слегка подвыпившего сына Варвара Прокопьевна вмиг превратилась в беспомощную, слабую старуху. Она громко простонала, демонстрируя невыносимую боль, бессильно, почти в бесчувствии облокотилась на перила:

– Спятила твоя женушка, сынок. Умом тронулась, набросилась ни с того, ни с сего так, что я упала. Кажется, бедро повредила. Ох, как больно! С родной матерью, будь она у нее, так не поступила бы...

Молодая женщина задрожала от страха; проворно, как кошка, перевернулась со спины на руки, посмотрела сквозь растрепанные волосы на Михаила. По выражению его лица поняла, что бесполезно ждать заступничества: против матери он ни за что не выступит! Маленькая, беззащитная, некрасивая Ангелина оказалась меж двух огней, готовых испепелить ее заживо, а прах развеять по ветру.

– Она назвала твоего сына выродком, – попыталась оп-равдаться, но вдруг заплакала, понимая, что все ее доводы – пустой звук в сравнении с любыми аргументами свекрови-фари-сейки.

– Ну ты погляди на нее, какую змею пригрели у себя, – громко простонала Варвара Прокопьевна, обливаясь слезами. – А такой тихоней всегда прикидывалась. Это все ее детдомовское воспитание – врать налево и направо, не ведать чувства благодарности. Сынок, она ударила меня, я упа-ла, теперь не обойтись без врача, того и гляди, «скорую» придется вызывать – двинуться не могу, а-ах...

– Врач нужен сыну, Миша! – Ангелина на руках отползла подальше, наблюдая, какой нечеловеческой злобой наполнились глаза мужа: в них не было даже намек на сочувствие и пощаду!

В дверях дома появился заспанный Антошка. Увидев мать на земле с растрепанными волосами, заплаканную, тоже захныкал.

– Мне после обеда уже позвонили из детского садика, сказали, температура...

Она не договорила, не успела отстраниться – Михаил опередил: ударил ее носком ботинка по горлу, отчего бедняжку швырнуло назад, на черенок оставленных дедом вил; от боли сперло дыхание, женщина захрипела и принялась, как рыба, хватать ртом воздух; в глазах потемнело, в ушах зазвенело. Захлебываясь в крови, Ангелина схватилась руками за горло, бессильно упала навзничь. Антошка с ревом подбежал к матери, бросился на нее, обнял, но у той не осталось сил даже пошевелиться.

Варвара Прокопьевна удовлетворенно поджала губы, бросила суровый взгляд на деда. Тот юркнул во флигелек, захлопнул дверь. Потом поощрила благодарным взглядом сына. Как она сейчас искренне гордилась им – заступником своим!

– Ты чего это свой нравешко показывать вздумала? – Михаил приблизился к жене, которая безучастно смотрела на него снизу вверх, обнимая плачущего сына. – Ходишь как глухонемая, а потом вдруг – на тебе, поглядите! – характер вдруг всем показываешь? Пожили, и будет. Не нужна здесь больше. Живи, как хочешь, а Антона через суд отберу. Давай, вставай и убирайся отсюда!

Он снова пнул ее в бок, несильно – так, для устрашения, «закрепления эффекта», но этим напугал сына; малыш, обнимая мать, зашелся в истерике. Михаил грубо схватил ребенка за руку, с силой оттянул к крыльцу, с которого за происходящим надзирала старая склочница.

Крики Антошки и слова Михаила привели Ангелину в чувства. Она вдруг приподнялась на локте, посмотрела на мужа исподлобья, проговорила негромко:

– Судом, говоришь, сына отнимешь. Герой, нечего сказать. А сам не боишься за решетку угодить?

– Придушу, собаку! – крикнул Михаил, взбешенный угрозой, и ринулся на жену. Вдруг остановился: в грудь ему уперлись зубья вил! Варвара Прокопьевна испуганно вскрикнула, прикрыла рот рукой.

Ангелина, окровавленная, с горящими взором, уязвленная угрозой отнять сына, не шутила: в душе вспыхнул всепоглощающий огонь ненависти; слезы вмиг высохли, и боль сделалась неощутимой.

Она крепче взялась за поручень вил, проговорила хриплым голосом:

– Не подходи...

– Неужто заколешь? – усмехнулся Михаил, чувствуя, что хмельной запал понемногу угасает под острьями, нацеленными в грудь.

– Даже глазом не моргну. За Антошку убью.

– Да ну! – глаза Михаила налились кровью, он попытался дотянуться до жены кулаком, но вилы вонзились в тело, обагрив рубашку.

Варвара Прокопьевна испуганно взвизгнула, увидев сына в крови. Михаил отшатнулся, в полном недоумении глядя то на окровавленную грудь, то на жену, такую незнакомую – опасную и безжалостную.

– Посторонись, – глухо проговорила она и угрожающе подала вперед вилы.

– А-а! Убивают! – завопила свекровь, перепуганная не на шутку, подбежала к сыну, потянула за руку к флигельку. – Оставь, Мишенька, видишь, невменяемая! Пойдем, родимый, в полицию позвоним!..

– Рехнулась совсем, что ли! – рявкнул на нее сын. Но затем Михаил нехотя повиновался. Он до последнего, пока не скрылся из виду, смотрел на Ангелину; взгляд его был потерянный: не верил глазам, что видит ту самую беспомощную мышку, бесцветную, бессловесную «женщину», которая в одночасье превратилась в бесстрашную львицу, Женщину, способную – впервые в жизни! – постоять не только за себя, но и за того, кого любила больше всего – сына.

Ангелина отбросила вилы в сторону, схватила Антошку на руки и, спотыкаясь, вбежала в дом. Там закрылась на ключ, чтобы никто не помешал сборам, и принялась спешно, трясуцими руками упаковывать в сумку свои и детские вещи. Вдруг остановилась, закрыла лицо руками и зарыдала, стиснув зубы.

Антошка обнял ее сзади, тоже захныкал.

– Мы сейчас уйдем отсюда, сынок, – сказала, задыхаясь от слез. – Уйдем навсегда, и никто нас больше не будет обижать. Обещаю!..

Глава VI

Впервые Ангелина усомнилась в справедливости поговорки, что безвыходных ситуаций не бывает. Раньше, ребенком, жила в детском приюте, куда привыкла возвращаться, как домой. Потом исполнилось четырнадцать и по ходатайству опекунского совета при поселковой администрации получила в собственность родительскую недвижимость. Правда, жить в этом разрушенном саманном домике не представлялось возможным: от наследства за годы пребывания приемницы в приюте остались разрушенные стены с пустыми глазницами окон. Денег на восстановление имущества не выделили, и девушке по достижении совершеннолетия предложили поступить учиться в торговое училище, при котором было общежитие. Совет опекунов снова похлопотал, и девушку поселили в отдельную комнату. Однако не с правом собственности, только лишь на время обучения.

В торговлю Ангелина не пошла – не по душе ей оказалась эта профессия, в которой нужно с людьми торговаться. Устроилась на почту, сняла комнату в доме с хозяйкой, через два года вышла замуж, натерпелась всего вдоволь, а теперь... и пойти-то стало некуда: бывшая хозяйка жилье продала, собственный саманный домик дышал на ладан, а Михаил остался в прошлом. Можно, конечно, пойти к одной приятельнице – коллеге по почте, попроситься переночевать. А потом куда? Кроме того, что наутро об этом наверняка узнает весь Главпочтамт, так у приятельницы этой трое детей, а вдобавок – муж, хворая бабка-мать, и все ютятся в однокомнатной квартирке с печным отоплением. Куда еще ей, Ангелине, да с ребенком на ночевку к ним проситься!

А вечер все сгущался. В скверике гуляла молодежь, звучала музыка.

Ангелина сидела на скамейке, озаренной светом фонарей, Антошка лежал, положив голову на колени матери – не спал, молчал с закрытыми глазами. А она с трудом терпела боль при дыхании и глотании, втихую роняла слезы, старалась отворачиваться, чтобы не привлекать внимания прохожих. Она испытывала страх (не за себя, а за сына), осознавая, что собственноручно обрекает малыша на жизнь, лишённую должного родительского внимания. Теперь он тоже, как и она сама, замкнется в себе, поплывет по течению, избегая крутых порогов судьбы.

Как бы тяжело ни складывались дела дальше, Ангелина твердо решила: обратного пути к прежней жизни нет. Михаил когда-нибудь убьет ее в пьяной горячке, самого посадят, а Антошку отдадут в сиротский дом, потому как Варвара Прокопьевна ни за что не захочет поднимать его на ноги. Уйти – единственный способ сохранить жизнь себе и позаботиться о сыне. А Михаил пусть только попробует снова появиться в их жизни, она не остановится ни перед чем, чтобы оградить от него Антошку. Хватит, пусть дальше развратничает, другие женщины и подавно не спустят ему того поведения, какое позволял по отношению к ней. Попробовал повести бы себя так с Надеждой...

При этой мысли Ангелину пронзило всю насквозь; она бросила обнадеживающий взгляд на многоэтажку, в которой проживала бывшая одноклассница. Предательское чувство нерешительности поскребло внутри острыми коготками, напомнило молодой женщине о ее месте в этом жестоком мире, не знающем компромиссов...

*Отче наш, Иже еси на небесех!
Да святится имя Твое,
да придет Царствие Твое,
да будет воля Твоя,
яко на небеси и на земли...*

...неуверенно, трясущейся от волнения и усталости рукой позвонила в дверь. Номер квартиры Надежды уточнила у парня, курившего возле подъезда. Затаила дыхание, услышав за дверью шаги, и сердце обмерло.

Ангелина обняла за плечи полусонного Антошку, прижала к себе, будто страшась потерять его, и приготовилась к новому удару судьбы.

Глава VII

Надежда, неизменно красивая, в шелковом халатике, непритворно удивилась, увидев в дверях Ангелину с сыном.

– Что, опять? – воскликнула та в сердцах, глядя на кровоподтеки у той на шее. – Ну не мерзавец ли! Да разве ж это мужик, который с женой без кулаков сладить не может! Тряпка, тьфу!

– Я ушла от него. А уйти, получается, некуда – долго гуляли по парку, пока уж совсем неумоготу стало...

– Как это некуда? О чем ты говоришь, Линка! – Надежда взяла Антошку за руку, потянула в квартиру. – Некуда! Придумала тоже! Проходите, будете жить здесь. Мне все равно некуда девать себя в этих хоромах! Идемте пить чай, потом в душ и следом в постель. Боже, а что такое с Анतिकом? – коснувшись лба ребенка, ужаснулась: – Да у него ведь температура! А ну-ка оба живо на кухню, принесу жаропонижающее! Завтра вызовем врача, откроешь больничный, как раз оклемаешься. Малого уложим в дальней комнате (купать сегодня нельзя), там и будете с ним жить. А сейчас, марш лекарства пить – сама постоянно мучаюсь ангиной, так что химией для лечения запаслась впрок с лихвой!..

На кухне Антошка выпил сиропу, таблетку. Надежда включила электрочайник:

– Пусть попьет горячего чайку с медом, а потом быстрехонько в постель...

– Надюша! – неожиданно раздался мужской голос из дальней комнаты – опочивальни красавицы.

Ангелина вздрогнула от неожиданности:

– Ты не одна! Прости, мы не вовремя...

– Уймись! Это он не вовремя, а ты всегда ко времени, – очаровательно покраснела Надежда и добавила негромко: – Не переживай, я его сейчас быстрехонько выпровожу, а ты пока приготовь чайку, в холодильнике найдешь мед и что-нибудь на бутерброды, я скоро вернусь, как веник – фьють! – туда и обратно!

– Надюша, ну где ты!

– Да ну иду же, нетерпеливый какой! – крикнула хозяйка квартиры. – Ко мне гости приехали! – она участливо посмотрела на Ангелину, улыбнулась и произнесла: – Сест-ра с племянником...

...на кровати ее ожидал молодой человек, готовый к решительным действиям. Надежда без объяснений велела стратегу одеваться и немедленно уходить. Юноша в недоумении молча запрыгнул в вещи. В прихожей она поцеловала его на прощание и вытолкнула за дверь, но не выдержала и вышла следом на лестничную площадку.

– Пстой! – неожиданно схватила парня ниже пояса, отчего тот тихо вскрикнул, и чарующим голосом жарко прошептала: – Слушай меня, Игоречек: больше сюда не приходи пока, ко мне приехала сестра и задержится надолго. Все понял, да?

– Да, понял.

– Теперь уходи! – но едва он шагнул в сторону лестницы, догнала его: – погоди! – снова схватила за то же место, и снова парень тихо вскрикнул. – Я сама приду к тебе, когда соскучусь, а истоскуюсь я очень скоро, поэтому ждать придется недолго. Понял, да? – она обвила руками его за шею, поцеловала в губы; потом с нежной поволокой заглянула в глаза, как бы извиняясь, и павой поплыла к дверям, чувствуя на себе обжигающий взгляд.

– Надюш...

– Что еще! – она резко обернулась, глаза вспыхнули аметистовым счастьем.

– Выходи за меня, я люблю тебя, – голос Игоря дрогнул, щеки зарделись; ладони его вмиг вспотели, и он, смутившись, засунул их по запястья в карманы своих джинсов.

Надежда сразу посерьезнела, подбородок предательски задрожал. Ей безумно нравился этот мальчик, полностью устраивал его характер и темперамент. Однако, он был младше нее на пару лет (чуть больше года, как вернулся из армии) и, разумеется, даже не подозревал, что с ней ему не суждено познать счастья отцовства. По объяснимым причинам она не спешила признаваться ему в своей бесплодности – боялась спугнуть счастье, но понимала также, что долго водить парня за нос ей тоже не удастся.

– О любви не говорят – о ней все сказано, – грустно ответила цитатой из песни, под которую в нежном возрасте рыдала над осколками первой неразделенной любви. – Обещаю, что чуть позже мы с тобой обязательно вернемся к этому разговору, ладушки? А пока, милый мой, у меня дел невпроворот, – сказала отвердевшим голосом, стараясь скрыть волнение и сосредоточиться на других вопросах. – Сейчас я должна помочь сестре – у нее случились большие неприятности, понял, да?

– Да, понял, – юноша со вздохом пожал плечами, печально глядя ей в глаза...

Глава VIII

Ни разу еще Ангелина не посвящала постороннего человека в подробности своей жизни, не повествовала о себе так много и подробно, никто доселе не слушал ее с таким всепоглощающим вниманием и сопереживанием. Временами прерывалась, но только затем, чтобы сходить к Антошке, спящему в другой комнате на диване, и снова вернуться в зал за журнальный столик, на котором Надежда выставила угощения и недопитую с Игорем бутылку шампанского. Два тонконогих хрустальных фужера с искрящимся напитком ни разу не оставались пустыми: хозяйка с удовольствием пила сама и подливала вино подруге.

За все время рассказа Надежда ни разу ее не перебила, только изредка сочувственно вздыхала или одобрительно качала головой, иногда округляла глаза и закрывала рукой рот от ужаса или, напротив, хохотала, когда что-то в рассказе казалось презабавным. Она прониклась искренним сочувствием к Ангелине: эта маленькая женщина со скрытым потенциалом мужества и добропорядочности вызвала в ней чувство уважения и стремление помочь – неважно, чем и как! но именно помочь, доказать окружающим, что живут среди них люди, сильные духом, с открытым сердцем и чистыми мыслями.

Когда Ангелина исчерпала тему адюльтера мужа, его издевательств над ней и сыном, пришло время говорить Надежде. Красавица со свойственной ей грациозностью закинула ногу на ногу, поставила фужер на столик и, посмотрев Ангелине в глаза, заявила твердым, не терпящим возражения голосом:

– Так. Слушай теперь внимательно и не перебивай. Ты сама пришла ко мне, и я тебя никуда не отпущу. С этого дня жить остаетесь тут. Даже если вздумаешь уйти, силой заставлю вернуться. Потому что туда, – выразительно махнула рукой в сторону частного сектора поселка, – пути отныне нет, поняла? Места здесь хватит всем. Бывший подарил эти хоромы, напичкал разным барахлом, элитной мебелью, но мне здесь дико одиноко. Поэтому прошу остаться. Мне не о ком заботиться – а я хочу заботиться, мне некого воспитывать – а я хочу воспитывать! И поскольку ты теперь мне как сестра (а кроме родителей, бог никого не послал!), прошу и Антика убеди называть меня тегей. И не отпирайся: иногда чужие люди становятся ближе, чем родные! Прости, в какой-то мере тебе даже повезло, что живешь без близких родственников – именно от них зачастую случается столько неприятностей, что жить не хочется. Знаю это по отношениям со своими родителями: до сих пор не хотят общаться, считают распутной, бесшабашной. Словом, не такой, как все. А я не хочу быть похожей на всех! Ты ведь тоже по-своему не такая, как все, поэтому по жизни тебя клюют, стараются уязвить, сделать обидно. Для них – тех, которые, как все! – прожить день так, чтобы кому-то не навредить, значит, скоротать день напрасно, бесполезно, без пищи для своих озлобленных душонок! Да, мы с тобой разные, но нас объединяет не желание слиться с серой лицемерной толпой, а жить по своим убеждениям, решать самим, кого любить или ненавидеть. Ты слишком долго терпела, что даже мне позволила навредить тебе! – Надежда умолкла, пригубила терпкого напитка, с минуту отдышалась (Ангелина не перебивала, тронутая ее исповедью), потом продолжила: – Завтра приедет врач, выпишет больничный. Посидишь дома, оклемаешься малость. А потом предлагаю уволиться с почты – куда тебе ростом с ноготок тягать такие сумки! Устрою тебя на другую работу. Тоже будешь возиться со всякой макулатурой, до которой у меня руки никак не доходят. Начальник, отец Игорёчечка, давно просит, чтобы нашла кого-нибудь в архив. Работа спокойная, одна будешь возиться в кабинете среди кип бумаг и гор папок, подписывать, регистрировать, номера проставлять, заниматься другой скучной ерундой – все кадровичка наша расскажет. Никто нервы трепать не будет, и все у тебя в жизни наладится, глядишь, и мужичок какой нормальный отыщется, – рассмеялась Надежда, увидев, как вспыхнули щеки у подруги. – А чего? Думаешь, на Мишке свет клином сошелся? Забудь подлеца, навсегда

выброси из памяти! Он остался в прошлом – горьком, грязном, безвозвратном. С разводом тоже помогу. Даже если противиться будет или родительскими правами угрожать через суд, попрошу знакомого адвоката так дело устроить, чтобы и на шаг к тебе потом Михаил не приблизился. Даже не переживай по этому поводу, не одному козлу рога свернула. Поверь, не лгу и не рисуюсь, а только хочу помочь и, умоляю, позволь сделать это! – она неожиданно взяла Ангелину за холодную руку, обратила внимание на ее обломанные ногти, неухоженные пальцы, сухую кожу. – Господи, Лина, до чего же довели тебя эти злодеи, только посмотри на свои руки...

Затем красавица медленно подняла глаза на гостью, коснулась изучающим взглядом сначала сбившихся, собранных на затылке волос, потом – густых, неровных бровей, бесцветных и потрескавшихся губ.

– Но уж нет, так дело не пойдет, со мной рядом ты так выглядеть не будешь, – заявила Надежда голосом, не терпящим возражений. – Когда Антик выздоровеет (а я уверена, что скоро), мы с тобой начнем покорять этот не нами придуманный мир, сестренка!

Глава IX

Антошка выздоровел на третий день; остался несильный кашель, но здоровье малыша уже не вызывало беспокойства. Ангелина удивилась взрослости сына: ни разу не обмолвился об отце, не задавал трудных вопросов. Сразу стал называть Надежду тетей, а новая родственница каждый вечер после работы приносила мальчугану чего-нибудь вкусенького и вечерами напролет соперничала с Ангелиной за общение с ребенком.

Днем, когда на улице стояла жара, молодая женщина оставалась с сыном в квартире, изредка включала в зале кондиционер. До сих пор не представляла жизнь без огорода, кур, поросят и сварливой свекрови. А теперь будто оказалась в зазеркалье. Пока Антошка спал, занималась уборкой, стиркой, готовкой, отчего приводила Надежду в восторг. Красавице, конечно, импонировало, что Ангелина избавила ее от утомительных домашних хлопот, в которых она была небольшая мастерица. Однако из вежливости просила подругу делать все сообща, а то, говорила, чувствовала себя неловко: не в батрачки же она наняла ее!

Однажды, вытирая пыль на трельяже в хозяйской спальне, Ангелина наткнулась на помаду морковного цвета. Ту самую, которая выкрасила ей душу в кровь! Сердце болезненно екнуло: вспомнилась не испытанная в ту ночь ненависть к Надежде, а боль и обида за самую себя, ничтожность и беспомощность.

Вдруг Ангелина уверенным жестом взяла помаду и накрасила ею губы. Торжествуя улыбнулась, взглянув на себя в зеркало, но тут же отпрянула, будто уличенная в преступлении.

В приоткрытую дверь за ней наблюдала Надежда!

Ангелина в полной растерянности выронила помаду на пол, тыльной стороной руки наскоро вытерла губы. Надежда приблизилась, улыбнулась и, не сводя глаз с подруги, раздавила ногой злополучную помаду:

– Покончим с этим раз и навсегда.

В спальню заглянула другая женщина – старенькая, с добродушным лицом, но чрезвычайно любопытными глазами. За руку незнакомка держала полусонного Антошку.

– Где здесь наша мамочка? – проговорила женщина, взглядом встретилась с Ангелиной, приветливо улыбнулась: – Здравствуйте!

– Познакомься, – сказала Надежда. – Моя любимая соседка и палочка-выручалочка на все случаи жизни тетя Зина – единственная в этом доме, кто не смотрит на меня искоса. Она пообещала посидеть пару часиков с Антиком, пока мы с тобой прокатимся в город. Игорёчек уже ждет нас в машине. Собирайся, мы на пороге великих перемен и открытий! Ураа...

– А как же Антошка? – встревожилась Ангелина.

– А что Антошка? Он ведь мужик, и ему уже не нужны няньки, правда, Антик? – красавица-хозяйка приблизилась к ребенку, погладила рукой по голове. – Пока мы с мамой быстренько съездим по своим делам, ты расскажешь бабе Зине, чем занимаешься в детском садике. А мама привезет тебе машинку, да такую красивую, какую ты никогда еще не видел. Договорились, дружок?

Малыш кивнул, однако не преминул вопросительно взглянуть на мать, будто спрашивая разрешения остаться с чужой, незнакомой тетей.

Ангелина настолько растерялась, что не знала, как повести себя в такой ситуации. Она отвлеченно кивнула сыну в знак согласия и, когда тетя Зина вывела мальчика из спальни, с беспокойством посмотрела на подругу:

– Зачем нам ехать в город?

– Потому что только в городе есть волшебное местечко, из которого ты выйдешь совершенно другим человеком, другой женщиной. Доверься мне, и у тебя начнется красивая, новая жизнь!..

В салоне красоты Ангелина оказалась первый раз. Даже не мечтала, что в жизни представится такой случай. Невозможно передать ощущения молодой женщины – восторга вперемешку со стыдом, когда она вошла в этот благоухающий головокружительными ароматами рай. Здесь все сияло красотой и гармонией, а в воздухе витало ощущение вселенской тайны.

Оказалось, что Надежда заранее по телефону записалась на маникюр, педикюр, парикмахерские и другие косметологические услуги. На правах завсегдатайки салона заручилась обещанием мастеров ничему не удивляться и все процедуры выполнить по высшему разряду. Поскольку, добавила, что речь шла не о чем ином, а именно о перевоплощении в «неземную красавицу» ближайшей родственницы. Ваяте-ли красоты – труженики салона – с трудом подавили удивление, едва узрели эту «родственницу», но благоразумно воздержались от любых комментариев по поводу наружности новой клиентки.

Надежда находилась все время рядом – подбадривала подругу то взглядом, то словом. Все процедуры Ангелина переносила молча, задыхаясь от волнения, не реагируя на боль даже во время круговой, как здесь выражались, эпиляции. На ее глазах происходило сказочное преобразование: после ванн и примочек, масок и массажа с кремом, маникюра и педикюра она уже не узнавала своих рук и ног, чувствовала, как вся целиком наполняется ощущением эфирной свежести кожа на лице, шее, груди. Наблюдая тайком за девушками-мастерами, видела в их глазах молчаливое осуждение, и от этого ей становилось мучительно стыдно, униженно.

Около двух часов она не проронила ни звука. Надолго задерживала дыхание, когда ей красили, мыли, стригли и укладывали в прическу волосы, прореживали и выщипывали брови, делали макияж. Наконец, по глазам Надежды и мастеров поняла, что они остались довольными плодами труда. Сама же Ангелина едва не потеряла сознание, когда наступило время взглянуть на себя в зеркало. Она зажмурилась, мысли спутались, в висках болезненно застучало:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.